

румынским. Авторы отмечают, однако, «что румынская народность сложилась позже и не вобрала в себя весь восточнороманский этнос применительно к рассматриваемой здесь эпохе (XIV—XVIII вв.— В. К., Я. Ч.)» (стр. 225). Поэтому они считают, что более правильно пользоваться термином «восточные романцы» и этническим определением «восточнороманский». Авторы присоединяются к мнению ученых, которые предлагают четко различать этногенетические проблемы и проблемы происхождения карпатского типа отгонного скотоводства. Авторы поддерживают тех чехословацких коллег, которые отрицают мысль о позднем формировании моравских валахов как этнографической группы¹. Истоки культурной обособленности в западной части Карпат лежат, очевидно, глубже.

В конце книги помещен раздел «Хроника», где дана информация о работе Сектора древней истории и средних веков Института славяноведения и балканистики АН СССР.

Подведем итоги. Можем ли мы сказать, что рассматриваемый сборник хоть в какой-то мере продвинул вперед решение сложных проблем этногенеза славян и восточных романцев? Ответ должен быть положительным. Ценность сборника заключается не только в частных, хотя и важных выводах, но и в том, что его составителям удалось подготовить целенаправленное актуальное издание.

В. П. Кобычев, Я. В. Чеснов

¹ Такую мысль, например, пропагандировал Д. Кранджалов в своих исследованиях и в дискуссиях на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. См. симпозиум «Карпатская историко-этнографическая общность». — «Труды VII МКАЭН. Москва, 1964», т. II. М., 1971.

Э. А. Рикман. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975.

Монография Э. А. Рикмана посвящена исследованию ряда весьма существенных проблем этнической истории Юго-Восточной Европы в первых веках нашей эры. Чрезвычайно сложные этнические и этнокультурные процессы этого времени, связанные с событиями эпохи Великого переселения народов, привели к сложению на рассматриваемой территории ряда культур и, в частности, черняховской культуры. Указанные проблемы имеют большое научное значение хотя бы уже потому, что здесь затрагиваются такие кардинальные исторические вопросы, как судьбы фракийских, готских племен и ранние этапы этнической истории славян.

История Поднестровья и Подунавья уже неоднократно освещалась в литературе. Существует немало, главным образом археологических, исследований, где рассматриваются, в частности, западносарматская и черняховская культуры. Но важное значение рецензируемой работы состоит в том, что в ней впервые в историографии на основе детального анализа огромного фактического материала — данных археологии, письменных источников, антропологии — ставится и в целом успешно решается задача историко-этнографического исследования динамики этнического состава и культурного облика населения Юго-Восточной Европы в первых веках нашей эры. Монография с подобным комплексным подходом к данной тематике появляется в нашей литературе впервые. И, как думается, автор весьма успешно справился с поставленными перед ним трудными задачами.

Рассмотрим решение Э. А. Рикманом основных проблем.

Автор детально прослеживает историю изучения сарматской и черняховской культур в низовьях Днестра и Дуная. При этом он убедительно показывает, что, несмотря на значительную работу, проделанную главным образом советскими, в меньшей мере зарубежными авторами, проблема еще далека от разрешения. Имеются существенные различия во мнениях относительно этнической принадлежности носителей черняховской культуры. Так, одни исследователи, исходя из представлений о единообразии черняховской культуры, считают ее носителями в низовьях Днестра и Дуная только славян. Другие отмечают наличие славянского компонента. Наконец, третьи, недостаточно аргументируя свои выводы, отрицают наличие в ней славянского компонента. Автор книги справедливо отмечает, что все большее распространение получает точка зрения, согласно которой в пределах черняховской культуры существовали локальные варианты и она состояла из различных этнокультурных компонентов. Автор, очевидно, также прав, когда отмечает существующую в литературе недооценку влияния позднеантичной культуры на черняховскую.

Важный комплекс проблем рассматривается в связи с историей сарматов низовьев Днестра и Дуная. Автор устанавливает, что на рубежах нашей эры сарматы при переселении на запад достигли нижнего Дуная и что в I в. н. э. в нижнем Придунавье обитали аланы и роксоланы. Следствием этих миграций было укрепление в нижнем Подунавье сарматских этнонимов в географических названиях, что было зафиксировано древними авторами. Важные вопросы ставятся в связи с исследованием отличительных черт западносарматской культуры. Рассматриваются ее признаки, исследуется процесс оседания сарматов в первых столетиях нашей эры в лесостепной и степной зонах. При этом автору удается достаточно убедительно показать различия в погребениях, составе инвентаря погребений у сарматов и соседних с ними племен. Заслуживает внимания вы-

вод, что западные сарматы образывали группу с общими этнографическими особенностями, характерными по большей части и для всех прочих сарматов. Нельзя не подчеркнуть важного заключения, согласно которому на огромных пространствах позднесарматская культура была в целом единообразной, и западная ее граница проходила во II—III вв. н. э. по Дунаю.

Много нового дают разделы исследования, где рассматривается влияние позднеантичной культуры и культуры соседних племен на западных сарматов. В связи с этим высказывается заслуживающая внимания мысль о том, что видоизменения сарматской культуры отражали процессы этнических смешений. В первых веках нашей эры сарматы были и антропологически не однородны, что отражало длительный и сложный путь складывания сарматской этнической общности.

В свою очередь западные сарматы оказывали заметное влияние не только на соседние племена, но и на античные центры Причерноморья. Отмечается, что имело место смешение сарматов с кельтами, певкинами, венедами. Наиболее красноречивы данные о взаимовлиянии сарматов и фракийцев. Сарматы оказали также существенное влияние на культуру карпов II—III вв. н. э. Влияние сарматов на гето-даков и северофракийские племена автор прослеживает по находкам сарматских зеркал в памятниках этих племен. Многочисленные примеры значительного влияния сарматов на германцев Э. А. Рикман вполне убедительно объясняет смешением этих племен.

Самого серьезного внимания заслуживает мысль автора рецензируемого труда о большом влиянии сарматов на этнический состав и культуру населения городов Западного Понта, так же как и на периферию римского мира.

Анализ обширного фактического материала позволил Э. А. Рикману высказать вполне убедительное мнение о том, что западные сарматы были существенной слагаемой частью населения низовьев Днестра и Дуная во II—III вв., а также о том, что сарматы сыграли значительную роль в этнической истории Европы. Нельзя не подчеркнуть, что очерк истории западных сарматов в таком объеме сделан в рецензируемой книге впервые.

На очень большом фактическом материале автор рассматривает интересную проблему поселений и жилищ племен черняховской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Археологический анализ древних поселений показывает, что изучаемая область была довольно густо заселена. Автор объясняет это явление социальными причинами: массовым оседанием кочевников, а также притоком населения в этот ареал.

Большое впечатление производит проведенный автором анализ поселений и жилищ. Дается их классификация, причем Э. А. Рикман с большим мастерством интерпретирует археологические данные и делает из них этнографические выводы. Очень удачно анализируются «большие дома», убедительно развешивается археологический материал, свидетельствующий о дифференциации больших семей и постепенном выделении из них малых. Исследование жилищ приводит автора к убедительному выводу о культурных связях черняховской культуры с Северо-Восточной Европой.

Э. А. Рикман рассматривает комплекс проблем, связанных с производственной деятельностью черняховских племен. Привлеченный для этого материал, выводы, которые из него делаются, имеют большое научное значение как непосредственно для решения изучаемой проблемы, так и для исследования широкого круга вопросов ранней истории развития производящего хозяйства. Важны выводы о том, что именно у племен черняховской культуры появляются во II—IV вв. пахотные орудия, приближающиеся к ралу с полозом, раннему плугу, а также тяжелому крупному плугу и двузубой сохе.

Анализируя земледельческое производство, автор отмечает, что чаще всего в поселениях встречаются пшеница, ячмень и просо. Имеющиеся данные позволили прийти к выводу о продуктивном товарном характере земледелия, о его значительном прогрессе, позволившем вывозить часть зерна в провинции Римской империи. Вполне обоснованным представляется предположение, что в лесостепи земледелие было подсечно-огневым, в степи — переложным. Заслуживают внимания выводы автора и о прочих отраслях хозяйства, а также его замечание, что уровень развития экономики у черняховских племен должен был привести к возникновению городов. Но они неизвестны, поэтому особое значение имели экономические и культурные связи с античными городами.

Э. А. Рикман ставит новую и важную научную проблему, исследуя взаимосвязи черняховской культуры и античного мира, и прежде всего связи черняховцев с Нижней Мезией. Отношения с Дакией, отстоящей на значительное расстояние от Днестро-Прутского междуречья, были затруднены. Автору удалось дать глубокий анализ взаимоотношений с античным миром и, прежде всего, торговых отношений. В книге показано, что у черняховцев широкое распространение имели импортные изделия, которые, по мнению автора, попадали к варварам главным образом не вследствие грабежа, а торговым путем. Это утверждение представляется убедительным. Нельзя не подчеркнуть существенный вывод о том, что торговые отношения затронули не только племенную верхушку, но и широкие слои рядовых черняховцев. Столь же важным представляется мысль автора об использовании варварами монеты не только для внешней, но и для внутренней торговли, что характеризует достигнутый ими уровень социально-экономических отношений. Убедительными выглядят и заключения относительно хронологии, когда автор возражает против излишне узкой датировки черняховской культуры III—IV веками. Анализ керамического материала свидетельствует о существовании некоторых поселений и во II в.

Тщательный анализ фактического материала позволил выявить характер влияния античной культуры на черняховцев, на развитие их керамического производства, металлургию и кузнечное дело, на распространение в их среде греческой и латинской письменности. Интересно замечание Э. А. Рикмана о том, что влияние позднеантичной культуры на черняховцев прослеживается в большей степени в сфере производства и менее ощутимо в идеологии.

Серьезные проблемы поднимаются автором в связи с анализом социальных отношений у племен низовьев Днестра и Дуная. Скрупулезно анализируя данные о развитии имущественного неравенства, патриархальных форм семьи, он вполне обоснованно приходит к заключению о разложении и отмирании институтов родового строя, о переходе от родовой структуры общественной организации к территориальной, о зарождении рабовладельческих отношений; при этом указывается, что развитие классовых отношений стимулировалось связями с центрами античного мира.

Значительный комплекс проблем в книге связан с исследованием данных о погребениях и погребальном обряде. Проведенный автором анализ показал, что в погребальном обряде черняховцев нашли отражение черты культа предков, семейных культов, вера в потустороннюю жизнь. Важное научное значение имеет предпринятая Э. А. Рикманом хронологическая классификация захоронений и удачная попытка исследования эволюции погребального обряда, его сущности, что составляет большой вклад в изучение идеологии варварских племен первых столетий нашей эры.

Как бы подводя итог своим исследованиям, Э. А. Рикман рассматривает этнический состав населения низовьев Днестра и Дуная в период черняховской культуры. Привлекательным им археологический и антропологический материал, данные письменных источников подтверждают его мнение о том, что на рассматриваемой территории до конца существования черняховской культуры продолжали обитать северные фракийцы. В связи с этим представляется убедительным его мнение, что фракийцы были основными носителями черняховской культуры в исследуемом регионе. Столь же важно и заключение, согласно которому одним из этнокультурных компонентов черняховской культуры были сарматы. Все это позволяет автору рецензируемой монографии в конце концов прийти к закономерному выводу о полиэтничности носителей черняховской культуры. Вполне можно согласиться с автором, считаящим, что нет оснований полагать, будто черняховская культура целиком создана готами, хотя они и входили в число ее носителей. Прав, очевидно, Э. А. Рикман, допуская наличие среди черняховцев в изучаемом регионе первых групп венедов и целого ряда других племен.

В отличие от ряда авторов, которые думали, что появление черняховской культуры свидетельствовало о складывании народности в разноплеменной среде северо-западного Причерноморья, Э. А. Рикман считает, и, надо полагать, с достаточным основанием, что такие процессы происходили скорее в рамках локальных вариантов культур племен черняховцев, но процессы эти не завершились. Единобразие же культурных черт явилось скорее следствием контактов разноэтнических племен в рамках обширных межплеменных союзов под нивелирующим воздействием позднеантичной культуры в условиях интенсивного смешения племен.

Давая в целом самую высокую оценку рецензируемой монографии, нельзя не остановиться на некоторых ее дискуссионных сторонах, связанных главным образом с оценкой уровня развития социальных отношений. Так, думается, Э. А. Рикман не прав, когда он говорит, что процесс перехода ряда кочевых племен к оседлости в начале нашей эры сопровождался сложением у них раннеклассовых отношений. В настоящее время можно считать установленным, что первобытнообщинные отношения разложились, а раннеклассовые сложились еще в ходе становления кочевничества, т. е. более чем за тысячу лет до рассматриваемого процесса. Таким образом, было бы правильнее говорить скорее об углублении процесса классовообразования, что всегда сопровождало оседание кочевников на землю. Некоторая архаизация указанных общественных отношений привела автора к соответствующим неточностям в определении уровня общественной организации, развития религиозных отношений и т. д. Так, едва ли он прав, когда на стр. 24 называет племенные институты кочевого общества институтами родового строя. Точно так же нельзя согласиться, когда к институтам родового строя относят большую патриархальную семью.

Из менее существенных замечаний отмечу, что само по себе употребление мотыги при земледелии еще не свидетельствует о его малой эффективности. Известно, что мотыжное земледелие может быть очень интенсивным.

Не всегда убедительны заключения о характере религиозных верований, сделанные главным образом на основе анализа обряда погребений. Эти данные не позволяют прийти к однозначным выводам во всех случаях.

Но значение рецензируемой монографии определяется, разумеется, не этими отдельными промахами и неточностями. Работа представляет собой новаторское исследование, являющееся крупным вкладом в советскую историческую науку, археологию и этнографию. Книга открывает новые горизонты в изучении широкого круга проблем, связанных с историей народов нашей страны.

Г. Е. Марков